

Так, во второй клаузуле грамоты Климента отсутствует традиционный для духовных XV в. второй элемент: «...отходя сего света, списах рукописание при своем животе». В конце духовной Климента есть санкция, которая, как мы видели, отличается от заклятий XV в.

Следует отметить, что, на наш взгляд, наличие лишь двух духовных XII—XIII вв., в которых речь идет о земельной собственности, объясняется не только отдаленностью этих времен от наших дней, но и тем, что в XII—XIII вв. написание духовной не было, по-видимому, обязательным и имущество переходило по наследству в результате устного «ряда» или без всякого ряда родственникам, а составление духовных было явлением очень редким, связанным с отсутствием прямых наследников у завещателя (у Климента) или с тем, что он был чужестранцем, не имевшим родственников в Новгороде (Антоний Римлянин).

Только в конце XIV в. написание пергаменных духовных становится обычным явлением и тогда вырабатывается стабильный формуляр духовных, который практически без изменений существует вплоть до присоединения Новгорода к Москве, когда он заменяется московским формуляром.

И. Э. КЛЕЙНЕНБЕРГ

О ДЕНЕЖНЫХ ЕДИНИЦАХ В «ПАМЯТИ, КАК ТОРГОВАЛИ ДОСЕЛЕ НОВГОРОДЦЫ» *

Русь феодального периода, не располагавшая на своей территории месторождениями серебра и золота, неоднократно была вынуждена (когда этого требовало экономическое развитие) прибегать для обеспечения внутреннего денежного обращения к иноземной монете. Для Великого Новгорода и Пскова один из таких периодов зафиксирован в летописях. Это было во втором десятилетии XV в. В 1420 г. Новгород начал уже чеканить собственную монету, а в 1425 г. за ним последовал и Псков. Население обоих городов вело интенсивную торговлю со своими западными соседями — Ливонией и Литвой, поэтому естественно, что оно стало до начала собственной чеканки использовать монеты зарубежных партнеров для удовлетворения своей потребности в мелких платежных единицах в ходе внутренней торговли вместо ставших почему-то уже менее удобными для этого кун безмонетного периода. Летопись (под 1410 г.) сообщает, что новгородцы начали торговать промеж себя «лопъци и гроши литовскими и аргути

* Автор выражает глубокую благодарность М. П. Сотниковой и И. Г. Спасскому за ценные советы и поддержку при работе над данной темой.

немечкыми, а куны отложнша».¹ А под 1420 г. сказано, что новгородцы-начали торговать «денги серебряными», а артуги продали немцам.²

Об аналогичных правительственных мероприятиях в Пскове сообщает и летопись этого города под 1409 и 1424 гг. Сначала псковичи «отложнша кунами торговати и начаша пенязми торговати», а 15 лет спустя «отложнша пенязми артуги торговати и приставиша мастеров денги ковати в чистом сребре».³

В приведенных летописных известиях названы три разновидности иноземных монет, имевших хождение на территории наших двух вечевых республик. Это, во-первых, «лобцы», т. е. пфенниги, чеканившиеся по образцу любекских пфеннигов во многих городах Северной Германии, входивших в Ганзейский союз, а также в Ливонии; далее «артуги», также серебряные ливонские монеты достоинством в три любекских пфеннига, в латинской транскрипции *artig*, что является заимствованием из шведского языка, где один из номиналов мелких монет назывался *örtug*;⁴ и, наконец, «гроши литовские» и «пенязи», последние — это литовские монеты в $\frac{1}{10}$ гроша, по своему достоинству они были равны любекскому пфеннигу — лобцу; литовский же грош — это пражский грош.⁵

Если вдуматься в содержание летописных текстов, то приходишь к выводу, что летописцы хотели в первую очередь зафиксировать два момента в истории своих городов. Первый — это правительственное признание ливонских и литовских монет официальным платежным средством на своих территориях, а второй — отказ от узаконенного их применения ввиду начала чеканки собственной монеты. Логично предположить, что стихийно эти зарубежные монеты начали проникать во внутреннее обращение северо-западных русских земель еще за несколько десятилетий до их правительственного признания и оставались еще в обращении какой-то отрезок времени при осуществлении частных платежей после их отмены вечевыми решениями.

¹ НПЛ. М.—Л., 1950, с. 402.

² Там же, с. 412.

³ Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, с. 35 п 39.

⁴ Расшифровка значений терминов «лбец» и «артуг» доведена успешно до конца А. Н. Молвыгиным в статье «Номиналы мелких монет в Ливонии с середины XIII до второй половины XVI в. и некоторые вопросы денежного дела Новгорода и Пскова» (Изв. АН Эст. ССР, серия обществ. наук, 1963, т. 12, № 4, с. 384. Здесь же дана и история вопроса).

⁵ «Лбец» имел вес 0.36—0.42 г (Молвыгин А. Н. Номиналы мелких монет..., с. 387). Литовский пенязь был на $\frac{1}{5}$ легче польских денариев (на польский грош шло 8 литовских пенязей). Польский (краковский) грош в конце XIV в. имел средний вес 3.1 г, следовательно, литовский пенязь был весом 0.387 г, т. е. совпадал с ливонским лобцом (Зварич В. В. Нумизматический словарь. 3-е дополн. изд. Львов, 1978, с. 53 под словом «денарий» и с. 44 под словом «грош»). О пражских грошах см.: Рябцевич В. Н. К вопросу о денежном обращении западно-русских земель в XIV—XV вв. — Нумизматика и сфрагистика, вып. 2. Киев, 1965, с. 121—134.

Летописные тексты свидетельствуют также о причине отказа от применения иноземных платежных единиц. Мотивировка отказа заключена в словах летописей, что новые деньги собственной чеканки будут «серебряные» денги, денги из «чистого серебра». Яснее не скажешь. В монетах же западных соседей власти постоянно уменьшали содержание серебра, и они очень быстро превращались в условные знаки стоимости.⁶ Новгородская же денга, напротив, в течение длительного периода чеканилась действительно из серебра высокого для того времени качества и сохраняла достаточно стабильным свой вес.

Еще следует заметить, что летописные сообщения называют только три номинала западных монет, хотя их было больше. Это можно объяснить тем, что летописцы приводят эти термины в качестве примера, называя только самые распространенные типы монет и не ставя себе целью дать полный перечень номиналов. Характерно и то, что псковская летопись говорит о пенязях, а новгородская — о лобцах, что вызвано более тесными экономическими связями Пскова с Литвой, чем их имел Новгород.

В связи с употреблением новгородцами иноземной монеты возникает вопрос о системе денежного счета.⁷ Единственным письменным источником, который непосредственно посвящен этой проблеме, является приписка к Минее 1494 г., которая хранится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и которая озаглавлена «Память, как торговали доселе новгородцы». Поступила она в это книгохранилище из Соловецкого монастыря. М. П. Сотникова по палеографическим признакам относит эту запись ко времени не старше рубежа XVI—XVII вв. Из каких источников почерпнул приписчик свои сведения, неизвестно, по содержанию «Памяти» передает очень точно сложившуюся во внутренней торговле систему пересчета ливонских и литовских номиналов на деньги собственной новгородской чеканки второй четверти XV в. Попытка расшифровать данные «Памяти...» — цель настоящего сообщения.

Интересующий нас текст «Памяти» начинается непосредственно после заглавия. Он состоит из девяти предложений-ра-

⁶ Молвыгин А. Н. Номиналы мелких монет..., с. 385.

⁷ Когда данная работа была уже закончена, из печати вышла статья В. Л. Янина «К истории формирования новгородской денежной системы XV в.» (Вспомогат. истор. дисциплины, XI. Л., 1979, с. 251—259). Там на с. 257 Янин дает реконструкцию новгородской официальной денежной системы 1410—1420 гг. Данные Янина не совсем совпадают со счетной системой автора «Памяти...». Это естественно, так как «Память...» сообщает нам сложившееся на внутреннем новгородском рынке традиционное соотношение ценности ливонских, литовских и новгородских монет. Известно, что в таких самобытных системах из-за их удобства не всегда считаются с тем, что содержание денежного металла в монете полностью соответствует ее номинальной ценности. Система же Янина — это научное восстановление теоретического содержания серебра в денежных единицах. К тому же Янин для своих построений не привлекает данные «Памяти...». Этим объясняется и расхождение в терминологии.

венств, выражающих отношение друг к другу денежных единиц. Пронумеруем и воспроизведем эти предложения: 1) «пять лобцов четвертца»; 2) «а десять лобцов две четвертци, и на то мротка»; 3) «а ногата полторы мротки, три четвертци»; 4) «а две векши лбець»; 5) «а лбецов пять за четвертцу»; 6) «новая гривна 3 гривны»; 7) «а куна две денги»; 8) «а ногата 7 денег»; 9) «а гривна серебра рубль».⁸

Хорошо видно, что эти равенства характеризуют денежный счет в период, когда в Новгороде уже началась чеканка собственной монеты, но артуги и гроши продолжали еще обращение наряду с денгой.

Первые пять равенств явно относятся к западным монетам, последние три — к денежным единицам на основе денги-новгородки. Связующим звеном обеих систем является ногата. Шестое равенство без особого исследования не может быть отнесено ни к первой, ни ко второй группе.

Изобразим теперь в виде системы первые пять равенств записи исходя из ногаты, так как ее величину легко определить по новгородской денге, семь которых, по «Памяти...», должна была включать в себя ногата. Мы исходим при этом из ставшего традиционным в последние десятилетия определения весовой нормы новгородской денги в 0.79 г.⁹ Полученная М. А. Львовым в начале 70-х годов на основе метрологического изучения 14 000 новгородок уточненная весовая норма этой монеты в 0.81 г не вносит в наши построения существенных изменений.¹⁰

$$\begin{aligned}
 1 \text{ ногата} &= 1\frac{1}{2} \text{ мроткам} = 3 \text{ четвертцам} = 15 \text{ лобцам} = 30 \text{ векшам} = 5.53 \text{ г.} \\
 1 \text{ мротка} &= 2 \text{ четвертцам} = 10 \text{ лобцам} = 20 \text{ векшам} = 3.68 \text{ г.} \\
 1 \text{ четвертца} &= 5 \text{ лобцам} = 10 \text{ векшам} = 1.84 \text{ г.} \\
 1 \text{ лбец} &= 2 \text{ векшам} = 0.368 \text{ г.} \\
 1 \text{ векша} &= 0.184 \text{ г.}
 \end{aligned}$$

Аналогичный расчет в свое время был уже произведен Д. И. Прозоровским¹¹ и воспроизведен И. И. Толстым,¹² вес денги в их таблицах указан в 18 долей (0.799 г).

Последним исследователем, который занимался определением величины денежных единиц «Памяти», является А. Л. Хорошкевич, исходящая в своих расчетах не из величины денги, а из ве-

⁸ Фоторепродукцию этой записи см.: Спасский И. Г. Русская монетная система. 3-е изд., Л., 1962, с. 66, а также в других изданиях этого труда.

⁹ Янин В. Л. Денги и денежные системы. — В кн.: Очерки русской культуры, ч. I. Материальная культура. М., 1969, с. 337.

¹⁰ Львов М. А. К вопросу о методике метрологического исследования русских монет в XV в. — Нумизмат. сборник, ч. 3. М., 1974, с. 140—141.

¹¹ Прозоровский Д. И. Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865, с. 175.

¹² Толстой И. И. Русская допетровская нумизматика, вып. 1. Монеты Великого Новгорода. СПб., 1884, с. 13.

личины четвертцы в 0.192 г.¹³ Это средний вес редко встречаемых монет в $\frac{1}{4}$ новгородской денги, изучавшихся В. Л. Яниным по экземплярам из передицкого клада (1460—1470 гг.) в Новгородском музее и названных им четвертцами.¹⁴ Поэтому вес ногаты и других содержащихся в первой части «Памяти» единиц получаются у А. Л. Хорошкевич в десять раз меньше, чем у Д. И. Прозоровского и у нас. Только при расчете ногаты для трех последних равенств текста «Памяти» А. Л. Хорошкевич получает величину ногаты в 5.53 г.¹⁵ Как будет показано далее, автор «Памяти» подразумевал под «четвертцой» другой номинал.

Чтобы решить проблему приведенных в таблице единиц, нужно в первую очередь установить, какие ливонские и литовские монеты скрываются под названиями векша, четвертца, мортка и ногата. Исследования А. Н. Молвыгина по нумизматике эстонской части Ливонии, имевшей с Новгородом наиболее оживленные экономические отношения, позволяют это сделать. По данным этого исследования, чеканившийся, как уже было сказано, с конца XIV в. в Таллине и Тарту любекский пфенниг (лбец «Памяти») имел вес 0.36—0.42 г. В Литве чеканилась аналогичная монета весом 0.368 г, называвшаяся пенязем (см. примеч. 5). Между лобцом и пенязем можно, следовательно, поставить знак равенства при денежном счете.

Векши тоже представлены среди ливонских монет. Ими могут быть чеканившиеся в Тартуском епископстве с конца XIV в. так называемые медные брактеаты. Про их металл А. Н. Молвыгин пишет: «По всей вероятности, здесь мы имеем дело не с „медью“, а биллоном. Тонкий слой серебра стерся с поверхности, и монета оказалась „медной“. Вес таких монет 0.12—0.18 г. В кладах их найдено мало, и сохранность у них плохая».¹⁶ После денежной реформы 1422—1426 гг. в Ливонии появился номинал в полупфенниг под названием шерф. Среди таллинских монет выявлена группа весом 0.16—0.22 г, т. е. в половину нормального пфеннига.¹⁷ Более мелкие номиналы в Ливонии не чеканились. Возможно, что и в Литве в изучаемое нами время чеканились мо-

¹³ Хорошкевич А. Л. Иностранное свидетельство 1399 г. о новгородской денежной системе. — В кн.: Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского. М., 1962, с. 304—305.

¹⁴ Янин В. Л. Монетные клады Новгородского музея. — Нумизматика и эпиграфика, 1961, вып. 2, с. 143.

¹⁵ Хорошкевич А. Л. Иностранное свидетельство..., с. 307.

¹⁶ Молвыгин А. Н. Датировка основных типов монет таллинского и тартуского чекана второй половины XIV—первой четверти XV в. — Изв. АН Эст. ССР, серия обществ. наук, 1961, т. 10, № 3, с. 275.

¹⁷ Молвыгин А. Н. Номиналы мелких монет..., с. 385 и 387. — В личном письме А. Н. Молвыгин сообщил автору, что чеканка шерфов (0.5 любекского) началась в Ливонии, как показали исследования нумизмата-любителя Немировича, уже в конце XIV в. Вес этих монет от 0.16 до 0.27 г. Они чеканились в противоположность тартуским брактеатам двусторонними. — Автор выражает А. Н. Молвыгину за это сообщение свою благодарность.

неты достоинством в полпенязя, по крайней мере в XVI в. существовало понятие «пенязь меньший». Два таких меньших пенязя шли на один «большой пенязь», т. е. просто литовский.¹⁸ Но этот вопрос требует еще дополнительного исследования.

Самым крупным и самым распространенным номиналом из выпускаемых монетными дворами в Таллине и Тарту был артиг. Он был равен трем любекским пфеннигам и имел вес 1.0—1.2 г.¹⁹ Ногата, следовательно, должна была соответствовать пяти артигам. Но в «Памяти» этот номинал не оказался включенным. Это произошло, возможно, от того, что его величина не является кратной другим денежным единицам памятника, кроме как ногате ($\frac{1}{5}$) и мортке ($\frac{1}{3}$). Он, как алтын в московской системе, стоит особняком. Система новгородского счета иноземных монет в «Памяти» ведь так же, как и московская денежная система, была десятиричной.

Мы полагаем, что термин «четвертца» получил свое название от слова «квартник», одного из обозначений чеканившейся в Литве и Польше серебряной монеты в полгроша.²⁰ Вес литовского гроша, содержавшего в себе 10 пенязей, был равен 3.87 г, следовательно, четвертца может быть выражена величиной в 1.93 г, что почти совпадает с вычисленной Д. И. Прозоровским и воспроизведенной И. И. Толстым — 1.87 г,²¹ в наших расчетах — 1.84 г. Название «квартник» объясняется тем, что этот польско-литовский номинал был $\frac{1}{4}$ счетной денежной единицы под названием «шкойц», «скоец» или «скот», по-латыни scotus, равной двум грошам. Поэтому в польско-литовском ареале синоним термина «квартник» было «полугрош».²² В. Л. Янин называет четвертцой монету в $\frac{1}{4}$ новгородской денги (см. примеч. 14), в «Памяти» соответствующий номинал назван векшей. Следовательно, мы имеем здесь дело с омонимией.

Расшифровка понятия «четвертца» позволяет нам также установить, какая монета скрывается под названием «мортка». Так как четвертца — это полугрош, то мортка, естественно, является литовским, иначе говоря, «пражским» грошем, равным десяти пенязям или лобцам, а также трем ливонским артугам. Первоначально пражский грош должен был иметь вес 3.70 г.²³

Если все разобранные выше номиналы «Памяти» были воплощены в литовских и ливонских монетах, то в самой крупной единице таблицы — ногате можно видеть счетную единицу, своеобраз-

¹⁸ Даунене З. Названия денег и денежных единиц в белорусской деловой письменности XV—начала XVII в. — Уч. зап. высших учебных заведений Литовской ССР (Языковедение), 1967, т. XV, с. 58.

¹⁹ Молвыгин А. Н. Номиналы мелких монет... с. 382.

²⁰ Зварич В. В. Нумизматический словарь, с. 85—86, под словом «квартник», с. 135, под словом «полугрош».

²¹ Толстой И. И. Русская допетровская нумизматика, с. 13.

²² Зварич В. В. Нумизматический словарь, с. 156, под словом «скоец», с. 135 под словом «полугрош».

²³ Fensler H. u. a. Transpresslexikon, Numismatik. Berlin, 1976, S. 295.

ный перекидной мостик от счетной системы с иноземными монетами к системе новгородской денги в 0.79 г. К семи таким денгам приравнено достоинство ногаты. Следовательно, в ногате «Памяти» нужно видеть величину в половину новгородской гривны XV в., равной 14 денгам, т. е. 11.04 г. Не нужно думать, что название «ногата» являлось в то время уже анахронизмом. В. К. Трутовский сообщает, ссылаясь на работу прибалтийского автора Гутцейта, что еще в XVI в. в Риге чеканились двойные шиллинги под названием «ногат».²⁴ Это говорит о живучести термина в русско-ливонских денежных отношениях.

Разобрав первые пять равенств «Памяти», имеющие отношение к иноземным монетам, переходим теперь к трем последним, говорящим о собственной серебряной новгородской денежной системе. 8-е и 9-е равенства говорят сами за себя, но 7-е равенство привлекает внимание употреблением в нем термина «куна». Несомненно, под ним подразумевается не та куна товаро-денежного характера, от употребления которой отказались новгородцы еще в 1410 г. и которая по своему достоинству равнялась 0.467 г серебра. Куна же «Памяти» должна иметь вес 1.58 г. Мы полагаем, что куной здесь названа новгородская денежная единица, часто упоминавшаяся в письменных источниках с начала XIV в. и называвшаяся «белой». В. Л. Янин приводит цитату из писцовой книги Водской пятины XV в., где 15 бел отождествляются с 30 новгородскими денгами,²⁵ т. е. бел = 2 новгородским денгам.

Остается разобрать, что в «Памяти» понимается под равенством «новая гривна — три гривны». Мы полагаем, что это высказывание скорее всего формулирует ту ситуацию, в которую попала ливонская система денежно-весовых единиц в результате реформы, проведенной орденовыми и церковными властями в интересах крупных феодалов в 1422—1426 гг. Против этой реформы крестьянство, купечество и городские власти вели безуспешную борьбу. В 1420 г. чеканка на ливонских монетных дворах была прекращена по распоряжению властей в порядке подготовки реформы. Сущность ее состояла в том, что стоимость артигов, которые должны были чеканиться по новому положению, была повышена по сравнению с дореформенной в 3, а по сравнению со старым любекским пфеннигом даже в 4 раза. Новый артиг декларировался равным 3 старым артигам и 12 старым любекским пфеннигам. При этом величина денежных повинностей и цены на продукты должны были оставаться на старом уровне.²⁶ Это была

²⁴ Трутовский В. К. Что такое ногата? М., 1911, с. 9.

²⁵ Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблемы происхождения новгородской денежной системы XV в. — Вспомогат. истор. дисциплины, III. Л., 1970, с. 167. — Термину «бела» посвящена статья И. Г. Добродомова «Лингвистические ареалы и история товарно-денежных отношений (к истории названий некоторых денежных единиц в языках Восточной Европы и Средней Азии). — В кн.: Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1979, с. 16—22.

²⁶ Молвыгин А. Н. Номиналы мелких монет..., с. 385.

попытка властей по липши порчи денег, т. е. обесценивание монет в 3 раза с сохранением их прежнего достоинства. А. Н. Молвыгин пишет об этом, что так как отмены реформы нельзя было добиться, то население при денежных расчетах, купечество и власти городов стали принимать новую монету не по номинальной стоимости, а с пересчетом ее в стоимость старой, что быстро повсеместно в Ливонии укоренилось вопреки запретам властей.²⁷ Это положение и зафиксировано, по нашему мнению, в находящемся в «Памяти» равенстве «новая гривна — три гривны». Под гривной здесь понимается ливонская счетная марка. Это позволяет датировать денежный счет, отраженный в «Памяти», временем после 1426 г., когда в Ливонии закончилась реформа и местное население стихийно нашло выход, как продолжать торговлю, не теряя убытка от новой монеты. Для Новгорода это были годы, когда наряду с собственной серебряной денгой во внутренней торговле еще использовались ливонские и литовские монеты. Они не могли сразу полностью исчезнуть из обращения из-за оживленных торговых связей новгородцев со своими западными соседями, поездок русских купцов в Ливонию и Литву, а также из-за постоянного присутствия в Новгороде купцов из этих стран. Наличие в обращении благодаря этому большого количества разных номиналов было очень удобно для розничной торговли, но требовало также общепризнанной традиционной системы пересчета иноземных номиналов на свои серебряные новгородки, которая не обязательно аналитически точно соответствовала содержанию серебра в иноземной монете.

Таким образом, можно прийти к выводу, что разобранный здесь приписка к Минее 1494 г. очень четко характеризует существовавшую в Новгороде на внутреннем рынке в течение немалой части XV в. систему неофициального народного денежного счета в условиях обращения как своей, так и иноземной монеты.

А. А. АМОСОВ

**ДАТИРОВКА И КОДИКОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
«ИСТОРИИ ГРОЗНОГО»
В ЛИЦЕВОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ**

(Заметки о бумаге так называемой Царственной книги) *

1. В 1769 г. князь М. М. Щербатов опубликовал обнаруженную им в Синодальной библиотеке рукопись (ныне — ГИМ, Сп. 149), содержащую изложение отечественной истории за 1534—

²⁷ Там же, с. 386.

* Первые четыре раздела данной статьи были написаны в 1976 г. и первоначально не предназначались для публикации, поскольку теорети-